

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на Германно-Российском форуме, Берлин, 14 сентября 2018 года

Уважаемый господин М.Платцек,

Дамы и господа, коллеги,

Я признателен за приглашение выступить перед столь авторитетной аудиторией. Высоко ценим конструктивное взаимодействие с Германно-Российским форумом, деятельность которого вносит значительный вклад в развитие двустороннего сотрудничества, в укрепление атмосферы дружбы, доверия, добрососедства между нашими народами.

Наш диалог с представителями германских общественно-политических, деловых кругов стал доброй традицией. В июле прошлого года встречались в Фонде им.Кербера. В феврале нынешнего года – на «полях» Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности – с «капитанами» бизнеса России и Германии. В сегодняшней ситуации в европейских, да и в мировых делах такие дискуссии, ориентированные на укрепление взаимопонимания между россиянами и немцами, особенно востребованы. Они свидетельствуют об обоюдной заинтересованности в совместной конструктивной работе по поиску оптимальных решений накопившихся вопросов – как в двусторонней, так и в международной повестке дня.

Убежден, что сегодняшняя встреча не станет исключением. Ее тема, как только что сказал М.Платцек, – интеграционные процессы в Большой Евразии, перспективы построения общего экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока. Актуальность этих вопросов трудно переоценить. Перспективы сопряжения потенциалов всех без исключения государств нашего континента во имя его мирного развития и процветания занимали умы многих выдающихся европейских политиков. В свое время, как вам известно, Президент Франции Ш.де Голль выдвинул идею Европы от Атлантики до Урала. Важность широкого партнерства с Россией в интересах формирования общеевропейской архитектуры безопасности и экономического сотрудничества неоднократно подчеркивали такие «еврогранды», как канцлеры Г.Коль и Г.Шредер, Президент Ж.Ширак. Хотел бы также напомнить, что о естественности такого общекоонтинентального взаимодействия писали еще в 20-30-е гг. прошлого века первые идеологи евразийской интеграции – российские философы, географы и историки Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Г.В.Вернадский. Они определяли потенциальную кооперацию на нашем общем огромном материке как «природный синтез» начал Востока и Запада, соединения их «цивилизационных кодов».

По окончании «холодной войны» исчезли все препятствия на пути взаимного сближения России и Евросоюза – двух ключевых экономических и геополитических игроков на континенте – во имя построения Большой Европы без разделительных линий. Мы, со своей стороны, делали максимум для того, чтобы российско-евросовское партнерство стало действительно стратегическим. На решение этой задачи были нацелены наши многочисленные инициативы – от снятия барьеров для контактов между людьми до создания в перспективе единого энергетического комплекса. В 2008 г. выступили с предложением заключить Договор о европейской безопасности, который юридически кодифицировал бы соответствующие политические обязательства каждого государства о неукреплении своей безопасности за счет других. Последовательное осуществление этих

идей могло бы стать важным подспорьем в деле создания общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана.

Символично, что здесь, в берлинской гостинице «Адлон», Президент России В.В.Путин, выступая в ноябре 2010 г. на четвертом ежегодном экономическом форуме руководителей и топ-менеджеров ведущих германских компаний, выразил убеждение в неизбежности сближения России и Европы, если все мы хотим сохраниться как цивилизация, быть успешными и конкурентоспособными. Этот тезис, на наш взгляд, не только сохраняет свою силу, но буквально с каждым днем становится все более актуальным.

К сожалению, не все в Европе поддерживают настрой на расширение взаимодействия с нашей страной. Понимаем, что здесь существуют различные точки зрения, и не всегда прагматизм берет верх. Иногда срабатывают не изжитые исторические фобии. Россию представляют как некую угрозу европейской безмятежности и образу жизни. Но угрозой она, конечно же, не является. Нередко сталкиваемся с попытками учить нас тому, как обустроить собственный дом: как будто непонятно, что менторский тон в любом диалоге, а, тем более, с Россией, идеологизация отношений – бессмысленны и контрпродуктивны.

Говорю о сегодняшней ситуации в нашем большом европейском доме с искренним сожалением. Убежден, что на базовом, содержательном уровне России и Евросоюзу предопределено сотрудничать друг с другом. Последнее десятилетие стало во многом временем упущенных возможностей. Приведу лишь несколько примеров. Мы могли бы, как только что сказал М.Платцек, отменить визовые формальности, но тема была искусственно «замотана» по политическим мотивам брюссельской бюрократией. Мы могли бы радикально укрепить торгово-экономические связи, но Брюссель начал возводить препятствия на пути основных товаров российского экспорта. В числе таких препятствий – «Третий энергопакет», направленный, будем называть вещи своими именами, на создание проблем для ПАО «Газпром» на европейском энергетическом рынке. И это несмотря на то, что наша страна всегда была надежным поставщиком углеводородов в Европу.

В рамках программы «Восточное партнерство» была затеяна игра даже не с «нулевой», а с «отрицательной суммой» в виде попыток поставить государства постсоветского пространства перед ложным выбором «либо с нами, либо против нас». Кульминацией курса на сдерживание России стал поддержанный рядом западных государств антиконституционный переворот на Украине. К власти там пришли национал-радикалы, которые разорвали Соглашение об урегулировании кризиса, подписанное в феврале 2014 г. и гарантами которого от имени ЕС выступили Германия, Франция и Польша. При этом ни Берлин, ни Варшава, ни Париж даже не пытались что-то сказать по поводу такого отношения путчистов к европейскому посредничеству.

Также удивило, с какой поспешностью в Евросоюзе – по прямой указке Вашингтона – решились обрушить проверенное временем сотрудничество с Россией, добровольно согласились нести многомиллиардные убытки из-за санкций. Парадокс, но американцы потерь не несли и не несут.

А ведь украинский кризис можно было предотвратить. Напомню, ЕС стремился втянуть Украину в свою орбиту путем заключения с ней Соглашения об ассоциации, которое

неизбежно вело бы к выходу Украины из зоны свободной торговли СНГ и как результат – к разрыву кооперационных связей Киева с Москвой. Вместо того, чтобы упорно двигаться по этому деструктивному сценарию, мы предлагали договориться об устраивающих все три стороны – Евросоюз, Украину и Россию – параметрах гармонизации интеграционных процессов, которые бы учитывали как нормы ЕС, так и уже существовавшие обязательства Киева в рамках СНГ и двусторонних отношений с Москвой. Однако все наши предложения российской стороны о трехсторонних переговорах в 2013 г. и начале 2014 г. беспелляционно отклонялись Брюсселем. И если выражение «извлекать опыт из ошибок прошлого» имеет какой-то смысл, то это, на наш взгляд, как раз тот случай, когда всем нам не помешало бы оглянуться назад и сделать выводы на будущее, в том числе в контексте обсуждения тех вопросов, которые вынесены на повестку дня сегодняшней встречи.

Кстати, в этом плане стоит поторопиться, ведь мировой геополитический ландшафт продолжает стремительно меняться и становится все более конкурентным. Нарастают свой потенциал новые центры экономической мощи, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Становление полицентричного мироустройства делает не работающими старые схемы, основанные на принципе «ведущий – ведомый». Востребованы нестандартные, новаторские идеи.

Если взглянуть на вещи беспристрастно, то, по-моему, Евросоюзу стоило бы серьезно оценить то, какие плюсы его собственным интересам могло бы принести создание принципиально новой модели экономического сотрудничества в Евразии, основанной на взаимодополняемости национальных стратегий роста и сложении потенциалов многосторонних экономических проектов.

Со своей стороны, мы приступили к формированию условий для движения в этом направлении. Совместно с партнерами по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), который действует на принципах ВТО, мы создали единые рынки товаров и услуг, обеспечиваем условия для свободного движения капитала и рабочей силы, укрепляем внешние контакты ЕАЭС. В частности, действует зона свободной торговли с Вьетнамом, ведутся переговоры о заключении аналогичных соглашений с Израилем, Сербией, Сингапуром, другими странами АСЕАН. В скором времени они начнутся с Египтом и Индией. Подписано временное соглашение с Ираном. Всего от различных стран и объединений поступило около 50 предложений об установлении партнерских отношений с Союзом.

Особое значение имеет начавшаяся работа по сопряжению интеграции в рамках ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП). В мае подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. В планах – «стыковка» инфраструктурных проектов в рамках ЕАЭС и ОПОП с Северным морским путем. Все это создает предпосылки для продвижения по пути реализации инициативы Президента России В.В.Путина по строительству Большого евразийского партнерства – максимально свободного пространства широкой экономической кооперации с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН.

Рассчитываем на подключение к этим усилиям и Европейского союза – тогда идеи единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока обретут практическое воплощение.

Мы ценим, что многие германские политики проявляют интерес к такой совместной работе. М.Платцек только что упомянул, что вопросы создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока включены в коалиционный договор нынешнего Правительства ФРГ. Данная тематика регулярно обсуждается в ходе различных российско-германских контактов, в том числе на высшем уровне. Главное, чтобы намерения трансформировались в конкретные шаги.

Разумеется, осуществление масштабных планов невозможно без общего оздоровления российско-европейских отношений, которые во многом остаются заложником украинского кризиса, а сам кризис остается таковым в решающей степени из-за линии нынешних киевских властей, которые тормозят выполнение Минских договоренностей, которые являются безальтернативным решением нынешней ситуации в соседней с нами стране. Мы знаем, что в Европе растет число тех, кто осознает контрпродуктивность конфронтационного курса в отношении России, кто стремится проводить прагматичную политику и не желает, чтобы ими манипулировали в ущерб их же собственным законным интересам.

Думаю, надо сделать правильные выводы и начать работу по ремонту общеевропейского дома, по созданию общего пространства мира, безопасности и экономического сотрудничества, где учитывались бы интересы всех стран – как входящих, так и не входящих в различные интеграционные объединения. Очень многое здесь будет зависеть от состояния отношений между Россией и Германией – двух крупнейших европейских держав. История знает немало примеров, когда конструктивное российско-германское взаимодействие оказывало благотворное влияние на общую ситуацию в Европе.

В этой связи показательно, что даже в нынешних условиях сотрудничество между нашими государствами продолжает развиваться в различных областях – от экономики до культуры. Наглядное свидетельство – мой визит в Берлин по приглашению Министра иностранных дел ФРГ Х.Мааса, приуроченное к церемонии закрытия «перекрестного» Года региональных и муниципальных партнерств. Вижу в этом хорошее подспорье для постепенного восстановления взаимного доверия, столь необходимого для Европы, мира в целом.

На этом хотел бы остановиться. Готов ответить на ваши вопросы.

Вопрос: Вы только что сказали, что «ремонт» общеевропейского дома стоит на повестке дня. Каковы Ваши существенные предложения? Как можно взяться за этот «капитальный ремонт»? Что нужно ещё помимо того, что уже делается сегодня? Чего нам недостает?

С.В.Лавров: Откровенно говоря, я не знаю, что «уже делается сегодня». Для того, чтобы браться за «ремонт» общеевропейского дома, надо начать разговаривать. У нас оборваны практически все каналы диалога между Россией и Европейским союзом, между Россией и НАТО. Всё практическое сотрудничество с Североатлантическим альянсом закрыто по его инициативе. Из более чем 20 отраслевых диалогов с Европейским союзом не работает ни один. Нет, я, наверное, погорячился – есть контакты по линии миграционного диалога,

который столь важен для Германии и Европейского Союза. По-моему, функционирует ещё один или два. ЭнергодIALOG не возобновлён в том формате, в котором он существовал. Есть спорадические контакты между заместителем Председателя Комиссии ЕС М.Шефровичем и Министром энергетики Российской Федерации А.В.Новаком. Иногда они встречаются вдвоем, иногда втроем с Министром энергетики Украины И.С.Насаликом, если обсуждение касается вопросов, связанных с ролью Украины в энергетическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом.

Я уже не помню, когда мы с Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф.Могерини проводили Постоянный совет партнерства, который, в соответствии с до сих пор действующим соглашением «О партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом», призван делать обзор всех без исключения направлений взаимодействия между Россией и ЕС. С Ф.Могерини мы встречаемся спорадически на полях международных форумов, и ее интересуют исключительно международные вопросы, прежде всего Сирия и Украина. Пожалуй, больше каких-то серьезных дискуссий у нас не было. А вот сесть и разобраться, где находятся наши отношения с Евросоюзом в целом, у нас пока не получается. Саммиты не проводятся уже с 2013 г., не функционирует уже упомянутый мной Постоянный совет партнерства, подавляющее большинство отраслевых диалогов также заморожено.

Если мы не начнем нормально сотрудничать через встречи, обсуждения любых вопросов и озабоченностей, которые у есть сторон, то, я думаю, что мы не сдвинемся с нынешнего места. Один пример, который является очень показательным: мы до сих пор не можем обмениваться информацией, касающейся передвижения по всему миру, в том числе по нашему общему пространству, т.н. иностранных террористов-боевиков, потому что Евросоюз не проявляет заинтересованности или активности в том, чтобы довести до конца работу по заключению соглашений между Российской Федерацией и Европоллом, а также между Россией и Евроюстом. Без таких соглашений нельзя обмениваться персональными данными в соответствии с законами Российской Федерации и ЕС. Вот пример, когда острейшая проблема, вызов, угроза, общая для всех нас, не является предметом нашего специального внимания. Так что надо садиться и начинать разговаривать. Мы к этому готовы.

Вопрос: Есть ли в этой связи особые ожидания в отношении Правительства ФРГ?

С.В.Лавров: Мы знаем о той роли, которую Германия играет в ЕС, Европе, в мировой политике. Наверное, от позиции ФРГ зависит немало. Будем только приветствовать, если Берлин проявит инициативу в том, чтобы без каких-либо предварительных условий, но и особых ожиданий на данном этапе, просто начать предметный разговор по всем вопросам, отягощающим российско-европейскую повестку дня.

Вопрос: У нас были причины и проблемы, а также их нерешение, обусловленное недоверием, которое на лицо в Западной Европе и Германии по отношению к России. Мы действительно не знаем, относится ли Россия к нам хорошо. Гибридная война, киберистории и те моменты, о которых еще говорят. Что там вообще происходит? Про Крым я вообще говорить не хочу. Я считаю, что нам необходимы меры, которые сформировали бы доверие. Каким образом могли бы выглядеть такие меры?

С.В.Лавров: Напрасно Вы не хотите говорить про Крым, потому что, по-моему, это заслуживает обсуждения. Мы готовы отвечать на все ваши вопросы. То, что Вы сказали об отсутствии возможности знать, что происходит в России, – наверное, результат отсутствия между нами нормального диалога, который не обуславливался бы требованием, чтобы сначала Россия призналась во всех смертных грехах, причем без наличия каких-либо конкретных фактов нашей противоправной деятельности, а потом уже можно будет с Россией разговаривать.

Вы упомянули кибербезопасность, вмешательство в выборы. Мы внимательно следим за тем, как нашу политику и действия оценивают за рубежом. Видим ту вакханалию, которая сейчас наблюдается в США по поводу того, что якобы все беды американской политической системы связаны с российским вмешательством. Спецпрокурор Р.Мюллер работает уже больше года. Сотни людей были опрошены в рамках слушаний в Конгрессе США, ФБР проводит свои расследования. При таком количестве опрошенных подозреваемых и свидетелей очень трудно что-нибудь утаить. Американская система славится тем, что утечки в ней случаются мгновенно. Не приводится ни единого конкретного факта. Просто голословные обвинения в том, что некто из Санкт-Петербурга взломал сайт того или иного государственного учреждения США.

Был скандал вокруг П.Манафорта, который работал в избирательном штабе Президента США Д.Трампа. Его обвиняли в том, что он является чуть ли не ключевым человеком, обеспечивавшим заговор между Д.Трампом и Российской Федерацией. Далее начался судебный процесс, все обвинения, кроме одного или двух, были отброшены. Ни одно из них не было связано с Россией. Кстати, главное обвинение о том, чтобы он выполнял функции иностранного агента, не зарегистрировавшись таковым, связано с его работой на украинское Правительство. Об этом никто не говорит. В СМИ может «проскользнуло» одно упоминание, и все.

Мы предлагаем американской стороне все-таки возобновить работу двусторонней группы по кибербезопасности. Такая группа существовала в 2013 году. После того, как американцы вслед за государственным переворотом на Украине, который они поддержали, разорвали многие каналы общения, она не функционировала. В прошлом году мы постарались возобновить этот процесс. В марте этого года в Женеве должна была состояться соответствующая солидная встреча с участием с обеих сторон межведомственных делегаций, представителей дипломатических ведомств, служб безопасности и разведки. Наша делегация прибыла в Женеву, где эта встреча была согласована, только для того, чтобы на аэродроме услышать новость об отказе американцев ее проводить. Опять кто-то где-то сказал, что появился вирус «Нот Петя», они взяли, развернулись и уехали. Летом этого года на соответствующих мероприятиях ОБСЕ американские эксперты подходили к нам, говорили, что давайте возобновлять контакты. Мы согласились, но пока таких контактов не происходит.

На встрече Президента Российской Федерации В.В.Путина и Президента США Д.Трампа в Хельсинки мы вновь эту тему заострили. Президент США Д.Трамп сказал, что это правильный подход. Такой же разговор был за год до этого «на полях» саммита «Большой двадцатки», где мы тоже договорились возобновить работу по кибербезопасности. Но в Администрации Д.Трампа и соответствующих ведомствах, которые отвечают за данное направление, эта инициатива поддержки не нашла. В

Конгрессе США Президента Д.Трампа даже обвинили в том, что он готов согласиться разговаривать с русскими по вопросу, который является доказательством вредоносного вмешательства России в американские дела. Если подходить таким образом, то далеко не уедешь.

Здесь у нас возникает такая же тема. Кибербезопасность стоит на повестке дня наших отношений с Германией, и на март этого года была намечена первая встреча Рабочей группы по кибербезопасности, которая была отложена по просьбе германской стороны.

Вы сказали, что причина отсутствия нормального диалога – это недоверие к России. Но без диалога Вы не развеете свои сомнения и недоверие не сможет быть устранено. Я упоминал сегодня про государственный переворот на Украине в феврале 2014 г., когда в результате посредничества ЕС было заключено соглашение между тогдашним Президентом Украины В.Ф.Януковичем и оппозицией, в том числе той, которая сейчас представлена в руководстве Украины. Соглашение было засвидетельствовано Германией, Францией и Польшей, которые выступили гарантами его исполнения. На утро, после его подписания оно было разорвано, произошел государственный переворот, и вместо создания правительства народного единства, как гласил п.1 этого Соглашения, путчисты объявили о создании Правительства победителей. Это немного другая психология. Я не думаю, что русскоязычное население Украины обрадовалось первому акту этого нового руководства в Киеве. Этим первым актом была отмена закона, который гарантировал права русского языка и языков других меньшинств. Через день после этого путча один из лидеров-радикалов, Д.А.Ярош, возглавлявший экстремистскую неонацистскую организацию «Правый сектор», публично пригрозил всем русским в Крыму, что он их оттуда будет выгонять, потому что русский никогда не будет понимать украинца, чтить украинских героев (он имел в виду Р.И.Шухевича, С.А.Бандеру и прочих приспешников-нацистов). Поэтому русский должен быть изгнан из Крыма. Я думаю, что этот сигнал, полученный жителями Крыма, сыграл немалую роль в тех действиях, которые они потом предприняли, проведя референдум. К тому же, что за этими его угрозами последовали направление боевиков на т.н. «поездах дружбы» в Крым, попытка захвата Верховного совета Крыма.

Говоря про доверие, мы, естественно, обратились к нашим германским и французским коллегам с тем, чтобы поинтересоваться, как они относятся к тому, что их посредничество, зафиксированное на бумаге, просто было проигнорировано. Более того, оппозиция поступила ровно наоборот по сравнению с тем, под чем она подписалась. Ни в Берлине, ни в Париже никто нам ничего ответить не смог. Кстати, в пользу заключения того Соглашения в феврале 2014 г. выступал президент США Б.Обама, он специально звонил Президенту Российской Федерации В.В.Путину и просил его не настраивать президента Украины В.Ф.Януковича против подписания такого документа. Мы не настраивали. Сказали, что, если есть договоренность между властью и оппозицией, то, конечно, мы будем только приветствовать ее подписание. Президент США Б.Обама после того, что произошло, даже не пытался как-то объяснить, почему США, которые так настойчиво поддерживали подписание Соглашения, не просто смирились с его разрывом, а активнейшим образом поддерживали власти, которые пришли в Киев путем вооруженного государственного переворота. Поскольку все это связано с Крымом, давайте думать, как не упираться в те или иные оценки событий, а разбираться, почему

так произошло. Опять же, делать это не для того, чтобы выставить друг другу какие-то претензии, а чтобы на этих ошибках учиться и делать выводы. Мы только «за».

Насчет гибридных войн. То, что происходит на Западе, где формируется политика в отношении России, это абсолютно подходит под понятие «гибридная война». Есть прямые военные действия, когда на наших границах, вопреки всем дававшимся заверениям, растет военное присутствие инфраструктуры НАТО, разворачиваются новые боевые подразделения, ударные вооружения. В прессе идет шельмование России по любому поводу и неправительственные организации, которые функционируют в Российской Федерации и других странах, активнейшим образом используются для вмешательства в наши внутренние дела. Есть десятки неправительственных организаций, которые работают в России и получают гранты из-за границы. Мы не запрещаем их работу, но просим тех, кто функционирует на зарубежные деньги, сообщать об этом и регистрироваться в качестве иностранных агентов. Это ровно то, что делают американцы.

Например, насчет вмешательства во внутренние дела и гибридные войны. Летом 2015 г. США был принят закон «О поддержке стабильности и демократии на Украине», частью которого является обязательство Государственного департамента работать на продвижение демократии в России как напрямую, так и используя неправительственные организации. На эти цели выделяется 20 млн.долл.США в год. Это записано в законе, который не является секретным документом. Я хочу себе представить, если бы что-то похожее в отношении американских общественных организаций было принято в российском Парламенте, то какая была бы реакция и истерика за океаном.

Давайте все сопоставлять и не будем претендовать на то, что именно свой образ жизни и подход к международным делам является единственно верным. Только компромиссы помогут находить решение всех самых злободневных проблем, но для этого нужен диалог. Я рад, что сегодня мы стараемся его завязать.

Вопрос: Вы использовали хорошее понятие, чтобы вернуться к теме Украины и неразрешённого конфликте на Донбассе. Там тоже наблюдается большая гуманитарная проблема. Её решение было зафиксировано на бумаге, однако оно не реализуется, и это всё усложняет. Вы сказали об упущениях Украины в этой связи. Имеете ли Вы представление о российском подходе, чтобы обеспечить мир в этой стране, регионе?

С.В.Лавров: Имею представление о подходе, но он не новый и называется «Минские договорённости» – документ, который явился результатом 17-часовых (без перерыва) переговоров с участием президентов России, Франции, Украины, канцлера Германии и одобрен единогласно резолюцией СБ ООН. В нём действительно много внимания уделяется вопросам, от которых зависит состояние населения, решение гуманитарных проблем, в частности, записано обязательство киевских властей обеспечивать восстановление экономических связей, возобновление банковских услуг, от которых были отрезаны жители Донбассы. Однако вместо этого, как вы знаете (надеюсь, вы следите за украинской тематикой), в Киеве уже достаточно давно была объявлена полная экономическая, торговая, транспортная блокада этих территорий. Пропускной режим в большинстве случаев по сути запретительный. Пенсии выплачиваются, как у нас говорят, «с грехом пополам». Что касается банковских услуг, то в рамках «нормандского формата»

руководители Германии и Франции обязались наладить мобильные банковские услуги, но у них этого так пока и не получилось.

Уже много лет украинское правительство не сотрудничает ни с Берлином, ни с Парижем с тем, чтобы решались проблемы простых людей, оказавшихся в зоне конфликта. Там, как вы знаете, проходит операция объединённых сил, причём её на своей территории проводят Вооружённые силы Украины. До этого была антитеррористическая операция. Людей, которые отказались признать государственный переворот, назвали террористами. Но если вы просто освежите в памяти факты, то поймёте, что эти люди ни на кого не нападали. Когда произошёл путч, когда они увидели политические и философские установки новой власти, прежде всего антироссийские – против русского языка, культуры, Церкви, они попросили оставить их в покое, сказав, что хотят понять, что происходит в Киеве, а пока будут жить сами по себе. Они же ни на кого не нападали. Напали на них, объявив их террористами.

Это маленькая часть того, что можно вспоминать и обсуждать касательно генезиса украинского кризиса. Однако самое главное – Минские договорённости. Их нужно выполнять при полном уважении ключевых пунктов: во многих параметрах этого небольшого документа прямо говорится о необходимости Киеву не только консультироваться с Донецком и Луганском, но и согласовывать с ними все ключевые вопросы, включая конституционную реформу, особый статус Донбасса, амнистию, проведение выборов. Ничего из этого Киев делать не собирается. Он постоянно создаёт искусственное напряжение на линии соприкосновения, обманывает своих партнёров по «нормандскому формату» хотя бы в том, что не соглашается на разведение сил и средств в одном из населённых пунктов (в уже всем известной Станице Луганская), а в два других пункта, где состоялось такое разведение, украинские военные вернулись «тихой сапой». Об этом знает мониторинговая миссия ОБСЕ, об этом говорится в её докладах. Это, конечно, вопиющий пример нежелания Киева под всякими искусственными предлогами зафиксировать на бумаге т.н. «формулу Ф.-В.Штайнмайера» – вашего уважаемого Президента, моего коллеги, когда он работал Министром иностранных дел.

Ещё в октябре 2015 г. в Париже, когда руководителями стран «нормандской четвёрки» рассматривался вопрос о том, как проводить выборы, потому что в Минских договорённостях было записано, что сначала должен быть принят и введён в действие закон об особом статусе этих территорий (а закон готов, его содержание согласовано, только он не вступает в силу), Президент П.А.Порошенко спросил, как он может ввести закон об особом статусе, если не знает, кого изберут на этих выборах. Подтекст был такой: если изберут тех, кто подходит, тогда, может быть, и особый статус будет не нужен. Поэтому, сказал он, сначала выборы, потом статус. Тогда Ф.-В.Штайнмайер, будучи Министром иностранных дел, предложил компромисс: закон вступает в действие в предварительном плане в день выборов после закрытия избирательных участков, а в полную силу и на постоянной основе он вступает в действие в день, когда ОБСЕ распространит свой итоговый доклад по наблюдению за выборами. Обычно это занимает пару месяцев. Все согласились, и это стало называться «формулой Ф.-В.Штайнмайера». Когда через год в октябре 2016 г. нормандские лидеры собрались уже здесь, в Берлине, Президент России В.В.Путин напомнил своим коллегам, что договорённость в Париже была достигнута, но эксперты и министры иностранных дел ни в «нормандском формате», ни в Контактной группе не смогли положить её на бумагу, закрепить и двигаться дальше,

потому что этому противится украинское правительство. Президент П.А.Порошенко сказал, что «формула Ф.-В.Штайнмайера» предполагает, что закон вступает в силу на постоянной основе в день выхода итогового доклада ОБСЕ по наблюдению за выборами, но что если вдруг в этом докладе будет сказано, что выборы были нечестными и несправедливыми? Потребовался год, чтобы приготовить такой аргумент. Президент России В.В.Путин тут же ответил, что это и имелось в виду, и предложил так и записать: что закон вступает в силу на постоянной основе в день выхода доклада ОБСЕ, если в этом докладе выборы будут признаны свободными и справедливыми.

Это был октябрь 2016 г., Берлин, скоро исполнится вторая годовщина этой договорённости. Украинское правительство категорически не хочет класть на бумагу этот документ. Позавчера была очередная телефонная беседа представителей лидеров «нормандской четвёрки» (помощники общались по телефону), новая попытка французского и германского представителей всё-таки согласовать фиксацию «формулы Ф.-В.Штайнмайера» на бумаге натолкнулась на сопротивление украинского представителя. Могу долго говорить на эту тему, поэтому давайте перейдём к чему-нибудь другому.

Кстати, что касается Крыма, я не уйду от этой темы. В большинстве стран Евросоюза, включая Германию, действует дискриминационное правило, в соответствии с которым шенгенские визы не ставятся в паспорта тех людей, которые получили их в Крыму после марта 2014 г. Если посмотреть все конвенции о правах человека, обязательства касательно свободы передвижения, принятые в ОБСЕ, СЕ, то это прямое нарушение гуманитарных обязательств теми, кто вводит такую дискриминацию.

Я был при одном разговоре, где вопрос был очень интересно поставлен: если принять, что референдум в Крыму действительно отразил реальное волеизъявление населения, тогда, значит, что, не выдавая визы крымчанам, их наказывают за политические убеждения. Если же, с другой стороны, взять за основу вариант, который продвигают наши западные коллеги, что это была «аннексия», то и здесь получается, что те, кто живёт в Крыму, гражданские люди, совсем ни при чём. Их «аннексировал» снаружи «агрессор», «напав» на них. А люди-то почему страдают? Какую логику ни возьми, здесь нет объяснений позиции европейцев, которые не выдают визы обладателям выданных в Крыму паспортов. Это если мы заботимся о гуманитарных вещах.

Вопрос: Ваша страна интенсивно работает по военной линии в Сирии. В Европе и ФРГ наблюдается миграция в связи с событиями в этой стране. Что делает Россия, ваша дипломатия для того, чтобы предотвратить обострение в Идлибе, где ожидается использование химического оружия? Там находится один миллион детей, три миллиона человек, среди которых боевики и те люди, которых мы называем террористами. Изгнание трёх миллионов человек не может быть ценой борьбы с ними.

Мы слышим предложения России по восстановлению Сирии, в котором могла бы участвовать Германия. Нас радует, что Россия готова работать в этом регионе. Как конкретно Вы себе представляете восстановление Сирии с европейским участием по завершении политического процесса?

С.В.Лавров: Давайте по порядку. Мы помогаем сирийскому Правительству силами наших ВКС. У нас есть контингент советников «на земле», который помогает сирийской армии

группироваться более эффективно для борьбы с терроризмом. Успехи в этом направлении очевидны. Подавляющая часть сирийской территории очищена от ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и тех, кто к ним примкнул.

Не мы одни находимся в Сирии со своими вооружёнными силами, военизированными подразделениями, военными советниками и спецназом. Там есть страны, которые в отличие от нас не были приглашены в САР её законным Правительством и поэтому их присутствие там противозаконно. Однако, будучи не идеологически мотивированными, а прагматиками, мы понимаем, что это реальность и она должна побудить всех внешних игроков, которые присутствуют в Сирии договариваться в интересах сирийского народа, устранения всех угроз сирийскому государству и строгого выполнения резолюции 2254 СБ ООН, согласно которой только сам сирийский народ может определить будущее своей страны через разработку Конституции и проведения на её основе выборов под надзором ООН.

Мы, Россия, Турция и Иран, работаем в «астанинском формате». Совсем недавно был саммит. Работаем также по двусторонним каналам с иорданцами, израильтянами и американцами. Между военными есть линии связи, которые помогают избегать непреднамеренных инцидентов и могут быть использованы, когда необходимо решить существенные вопросы, а не только рассматривать деконфликтинг.

Миграция – серьёзная проблема. Нас она затронула в самой малой степени, в несравнимом масштабе. Мы понимаем, насколько это серьёзно для многих стран ЕС в социально-экономическом и мировоззренческом плане. Полагаемся на мудрость Европы. Уверен, что усилия по поиску общеприемлемых решений будут продолжаться.

Напомню, что главный миграционный штормовой вал был поднят агрессией против Ливии, когда натовские страны бомбили в нарушение резолюции СБ ООН Ливийскую Арабскую Джамахирию и помогали тем, кто устроил охоту за лидером страны М.Каддафи. В итоге помогли зверски его уничтожить под восторженные возгласы наблюдателей, которые смотрели это всё в режиме онлайн по телевизору в Белом доме в Вашингтоне. Именно тогда поднялась волна миграции. Ливия превратилась в чёрную дыру, через которую в Африку южнее Сахары пошли потоки террористов, экстремистов и оружия. Обратно на север, в Европу через неё же потекли миллионы беженцев.

Вспоминаю случай, когда вскоре после того, как Ливию привели в то состояние, в котором она остаётся до сих пор, и никто не знает, как из него выходить, во второй половине 2011 г. бывший министр иностранных дел Франции Л.Фабиус обратился ко мне и попросил поддержать Францию в СБ ООН по вопросу пресечения тех угроз, которые хлынули в Республику Мали. Там был французский контингент, и они хотели получить добро СБ ООН для использования этого контингента в целях пресечения вылазок террористов, которые пришли из Ливии. Я ответил, что борьба с террором – предмет, который даже не стоит обсуждать, и мы поддержим любые решения, которые будут способствовать этой борьбе. Однако я напомнил коллеге, что те террористы, с которыми они собрались бороться в Мали – те же самые люди, которых они вооружали в Ливии, чтобы свергнуть режим М.Каддафи. Причём вооружали вопреки резолюции СБ ООН, которая вводила полное эмбарго на поставки вооружения в Ливию. Французские военные публично говорили, что помогают оппозиции, несущей Ливии демократию.

Что касается ситуации в Идлибе, то это единственный оставшийся значимый очаг террористов, которые используют свою излюбленную тактику, выставляя гражданских лиц в качестве живого щита. Они подмяли под себя большинство вооружённой оппозиции и регулярно пытаются наносить удары по подразделениям сирийской армии и нашей авиабазе Хмеймим, используя, в том числе, беспилотники. Десятки беспилотников взлетают из района Идлиба (один раз беспилотник даже смог сбросить взрывчатые вещества). С тех пор все беспилотники подавляются, уничтожаются – мы знаем, как с ними бороться. Поэтому, неправда, что в Идлибе люди просто засели, как в крепости и хотят перемирия. Они оттуда активно осуществляют боевые действия и используют ту подпитку, которую получают каким-то образом из-за рубежа.

Мы говорим с нашими турецкими коллегами, которые знают, что их территория порой используется нехорошими людьми для того, чтобы осложнять ситуации в Сирии. Они обеспечивают дополнительные меры контроля на границе. В том же Идлибе по договорённости, которой мы достигли, действует двенадцать наблюдательных пунктов, установленных Турцией. Это немного успокаивает ситуацию. Турция взяла на себя обязательства добиваться размежевания той вооружённой оппозиции, которая готова к диалогу с Правительством, от террористов, с тем, чтобы последние не подминали под себя вооружённые группы, не являющиеся экстремистскими, террористическими.

Необходимо иметь в виду, что Идлиб – одна из четырёх зон деэскалации, которые были созданы в Сирии по решению стран астанинской «тройки». Одна из этих зон, на юге, была согласована Россией с США и Иорданией, а её параметры устраивали Израиль (это было очень важно, потому что Израиль опасался присутствия экстремистов на своих границах, недалеко от Голанских высот). Все три предыдущие зоны сейчас закрыты. Они были политически ликвидированы, потому что там удалось договориться о выходе боевиков и о том, чтобы оппозиционеры отмежевались от террористов. Эти оппозиционеры заключили локальные соглашения о перемирии с Правительством. Сейчас в этом районе всё спокойно, хотя там остаётся совершенно непонятна, созданная американцами в одностороннем порядке в районе Ат-Танфа, территория в 55 км радиусом, которую они взяли под свой контроль и на которой остаются игиловцы и другие террористы, чувствуя себя там вольготно и периодически совершая оттуда вылазки, в том числе, в район Пальмиры и Алеппо.

Идлиб. Надо понимать, о чём договаривались во всех случаях создания зон деэскалации. Там объявляется перемирие, которое (это чётко выделено) не распространяется на террористов. Оппозиционные группировки призываются к тому, чтобы отмежеваться от террористов и вступить в контакт с правительственными силами при нашем посредничестве, при посредничестве Турции или Ирана и договариваться о локальных примирениях. Безусловно, мы будем делать всё, что мы делаем и сейчас, в полной мере учитывая проблемы гражданского населения.

Помимо усилий по организации локальных договорённостей с теми или иными группами, которые находятся в идлибской зоне, создаётся гуманитарный коридор для тех, кто желает оттуда выйти, как мы делали в зоне на юге, в провинции Хомс, Восточной Гуте. Буквально на следующей неделе, в понедельник, состоится очередная встреча Президента России В.В.Путина и Президента Турции Р.Эрдогана. 7 сентября в Тегеране они обсуждали, как решать проблемы зоны Идлиба, чтобы минимизировать риски для

гражданского населения. Сейчас между нами и турками идёт диалог по линии дипломатов и военных. В следующий понедельник президенты будут рассматривать эту ситуацию.

То, что сейчас выдаётся за начало наступления сирийских войск при российской поддержке, является недобросовестным представлением фактов. И сирийские войска, и мы реагируем только на вылазки из зоны Идлиба. Я уже упоминал, что порядка 50 беспилотников запускались в район нашей базы. Их очень трудно засекать обычными средствами противовоздушной обороны, многих из них сделаны из дерева и не видны на радаре, но у нас есть разведывательная информация о том, в каких районах зоны Идлиба собирают эти беспилотники из компонентов, которые проникают туда контрабандным путём. Как только мы получаем такую информацию, мы подавляем подобные подпольные фабрики, изготавливающие смертоносное оружие. Заверяю вас, что мы будем максимально аккуратно подходить к этим вопросам, создавать гуманитарные коридоры, поощрять т.н. локальные замирения, делать всё, чтобы не пострадало гражданское население. Мы не будем действовать так, как действовала коалиция в иракском Мосуле, сирийской Ракке, когда не велось никаких переговоров о локальных перемириях с вооружённой оппозицией, не создавалось никаких гуманитарных коридоров (Ракка – примерно сопоставимый по размеру с Идлибом город), сравнивалась с землёй, там месяцами не могли убрать трупы. Мы ждём от ООН информации о том, как сейчас эволюционирует ситуация в Ракке, насколько там активно создаются условия для возвращения населения. Для информации: в Восточный Алеппо (перед его освобождением тоже было много таких достаточно эмоциональных восклицаний) и Восточную Гуту (откуда население уходило перед освобождением этих районов от террористов) уже сотнями тысяч возвращаются сирийцы.

Насчёт химического оружия мы уже всё сказали. Мы ежедневно представляем факты, доказывающие, что готовится очередная провокация, которую скорее всего будут осуществлять руками т.н. «Белых касок» – НПО, которую наши западные партнёры выставляют в качестве образца гуманитарной деятельности, но почему-то эта организация действует исключительно на территориях, которую контролируют экстремисты в отличие, скажем, от того же Международного комитета Красного Креста, работающего по всей территории Сирии, причём деполитизированно.

Когда заявляют, что сирийским правительством вот-вот будет применено оружие и уж тогда Франция, Великобритания и США нанесут сокрушительный удар по «режиму», как они его называют, это, по сути дела, приглашение экстремистам создать очередную постановку, как они это сделали в Восточной Гуте, и тогда будет вызван удар на сирийское правительство. Это тоже провокация в своём смысле. Ни единого факта относительно того, что правительство готовится к чему-то подобному нам не дают, а на те факты, которые наши военные ежедневно выкладывают для всеобщей информации о том, как это готовится, сколько завезли бочонков с хлором, какие взрывчатки задействуют, какие населённые пункты используются – никто никак не реагирует.

Надо опираться на прочную основу фактов, как и в любом другом деле. Будь то история в Солсбери, химическая проблема в Восточной Гуте, где западная «тройка» ударила в тот момент, когда всех взбудоражило видео, на котором «Белые каски» из шланга поливают мальчика. Мы потом нашли этого мальчика с его отцом, привезли его в Гаагу, где он

рассказал, что просто находился в этом помещении и вдруг туда ворвались какие-то люди в белых касках и стали его поливать водой из шланга. Мы (не Запад) настояли на том, чтобы туда поехали эксперты ОЗХО. Когда они были в нескольких часах езды от Восточной Гуты, США, Франция и Великобритания нанесли удар по этому месту. ОЗХО по нашему требованию должна была представить доклад о том, что же там увидели эксперты. До сих пор этого доклада нет, а на наши вопросы Технический секретариат этой организации отвечает, что они вот-вот закончат. Всё это выглядит очень плохо с точки зрения открытости и того, что мы все должны бороться с химическим оружием и террористами, а не пытаться использовать и то, и другое в геополитических играх.

Что касается вопроса о том, как мы видим восстановление инфраструктуры. Мы хотим, чтобы Сирия возвращалась к мирной жизни и чтобы там решались гуманитарные проблемы, возвращались беженцы, в том числе из Европы. Из Ливана они уже начинают возвращаться тысячами, ливанское правительство активно сотрудничает при нашей поддержке с организациями, которые помогают им вернуться. Наши военные провели вместе с сирийским правительством инвентаризацию населённых пунктов, в которых условия уже позволяют возвращаться и начинать обустраивать свои дома: там есть вода, канализация, элементарные медицинские услуги. Мы эту информацию распространили по всем странам, которые принимают на своей территории сирийских беженцев, в том числе Германии, с просьбой посмотреть, есть ли среди тех беженцев, которые находятся на вашей территории, жители тех самых сёл, городов, где возможности для жизни уже существуют, чтобы они получили такую информацию. Мы работаем в этом направлении и с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Что можно сделать дополнительно? Наверное, включиться в эту работу и не делить сирийскую территорию на «хорошую» и «плохую». Сейчас наши западные коллеги, например, ЕС, США, говорят, что они будут предоставлять только гуманитарную помощь (и то не хотят слишком много передавать правительству), а что касается восстановления инфраструктуры, экономики, то это только после того, как начнётся т.н. политический переход и когда они убедятся, что этот переход идёт в «правильном» направлении. А вот на территории, которую сейчас незаконно занимают США вместе с подконтрольными им отрядами оппозиции, прежде всего курдами, на Восточном берегу Евфрата, вкладывают миллионы и десятки миллионов долларов в то, чтобы делать ровно то, от чего Запад отказывается на другой части сирийской территории. Иными словами, там создаются более благоприятные условия для населения и, судя по всему, это замысел, который в корне противоречит клятвенным заверениям наших западных коллег, что они будут уважать территориальную целостность САР.

Безусловно, на состояние страны, в том числе на усилия по созданию условий для возвращения беженцев, влияют и односторонние санкции, которые ЕС и США ввели против сирийского правительства, резко сократив его возможности предоставлять медицинские услуги и многое другое, что необходимо для нормальной жизни людей. Тут есть целый ряд моментов, о которых можно подумать на Западе по вопросу того, что можно сделать.

Вопрос: Вы сказали, что на лицо дефицит форумов для панъевропейского диалога. Совет Европы – это организация, которая в принципе охватывает весь регион, который Вы

описали. Какой вклад готова сделать Российская Федерация, чтобы вернуться за стол Парламентской ассамблеи Совета Европы?

С.В.Лавров: Вы серьезно? Вы знаете, то, что происходит сейчас в Парламентской ассамблее Совета Европы лишь усугубляет проблему дефицита форумов. Агрессивное русофобское меньшинство делает все, чтобы этот форум перестал быть общеевропейским, заставить всех остальных идти у них на поводу и наказывать Российскую Федерацию. Когда это русофобское меньшинство, мы знаем о каких конкретно депутатах Парламентской ассамблеи идет речь, провело противозаконные решения о лишении нашей делегации права голоса, мы проявили добрую волю. Предлагали договориться о том, чтобы все делегации в Совете Европы были равноправными, как записано в Уставе Совета Европе, где описываются полномочия Парламентской ассамблеи. Лишение права голоса любой делегации является грубейшим нарушением основополагающего принципа функционирования Парламентской ассамблеи Совета Европы. Когда это произошло, мы несколько раз ездили на специально созданный механизм для переговоров с руководством Парламентской ассамблеи, с Генеральным секретарем Совета Европы Т.Ягландом. Эти встречи ни к чему не привели, хотя Т.Ягланд и Председатель Парламентской Ассамблеи Совета Европы М.Николетти искреннее делали все возможное, чтобы этот кризис преодолеть. Причем мы где-то полтора года после того, как нашу делегацию лишили голоса, продолжали платить свои взносы в Совет Европы, но честно всех предупреждали, что вечно так продолжаться не может, потому что был нарушен принцип равноправия, который является базовым для всех органов Совета Европы, будь то Комитет министров, Комитет местных региональных властей или Парламентской ассамблея. Когда, наконец, терпению пришел конец, потому что все усилия Т.Ягланда и М.Николетти не приводили к результату, мы сказали, что с определенного момента не можем платить наши взносы, поскольку к тому времени уже больше половины судей Европейского суда по правам человека были избраны Парламентской ассамблеей без участия российской делегации. Затем, в Парламентской ассамблее Совета Европы состоялось избрание Верховного комиссара Совета Европы по правам человека Д.Миятович, которая была опять избрана без участия российской делегации. В будущем году будут выборы Генерального секретаря Совета Европы. Если к тому моменту этот вопрос не будет решен, то легитимность всех этих структур Совета Европы для нас будет очень сомнительной.

Летом этого года, в ответ на критику о том, что мы не платим взносы и за это надо исключать из Совета Европы, мы заявили, что как только все вернуться к основам Устава Совета Европы, когда наша парламентская делегация будет восстановлена в своих правах без всяких изъятий, так тут же мы заплатим все, что мы должны Совету Европы. Эта позиция остается в силе. Насколько конструктивно будут вести себя парламентарии зависит от парламентариев. Если те кто хочет наказывать Россию за все и вся, мы знаем примерно какие это страны, будут манипулировать всей Парламентской ассамблеей, то наверное это не будет делать чести депутатам из других стран, которые заинтересованы в диалоге, пусть даже по самым сложным вопросам. Крым, кризис на Украине, миграционные проблемы и многое другое могут обсуждаться. Если сказать откровенно, когда страна, которая добровольно покидает Евросоюз, при этом определяет политику ЕС по отношению к России, то это не делает чести Евросоюзу.